

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА
SOCIAL SPHERE

Оригинальная статья / Original Article

Нематериальные ресурсы населения в новом адаптационном цикле¹

© Д.М. ЛОГИНОВ

Логинов Дмитрий Михайлович, Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), loginov-dm@ranepa.ru

Период эпидемиологической нестабильности, связанный с появлением новой коронавирусной инфекции и мер противодействия ее распространению, актуализировал для различных групп российского населения комплекс адаптационных задач. Как показывает опыт социально-экономической адаптации прошедших десятилетий, спектр и успешность поведенческих моделей во многом зависит от уровня развития нематериального ресурсного потенциала. На материалах репрезентативного социологического исследования, проведенного ИНСАП РАНХиГС в 2020 г., показана структура и дифференциация нематериального ресурсного потенциала российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса. Данный период автор считает началом нового адаптационного цикла, который требует от различных социальных групп мобилизации накопленных возможностей для того, чтобы выстроить успешные модели поведения в условиях нестабильной внешней среды. Как показывают результаты исследования, население существенно дифференцировано по уровню нематериальных ресурсов: интегральный показатель, рассчитанный на основе индикаторов образования, здоровья и социальных связей, иллюстрирует, что ресурсообеспеченность ниже среднего уровня характеризует 35,6%, среднего – 36,6%, высокого – 27,8% населения. Разный уровень развития нематериальных ресурсов приводит не только к дифференциации по профессионально-должностному статусу, но и к неравенству в способности адаптироваться к кризисной ситуации. Данная динамика выражается и в большей устойчивости занятости у группы с высокими нематериальными активами и в их более стабильном материальном положении. Одновременно остается актуальной проблема недоиспользования накопленных индивидуальных ресурсов и барьеров, которая не позволяет достигать приемлемых материальных и социальных статусов даже представителям благополучных ресурсных групп.

Ключевые слова: население, социально-экономические ресурсы, социально-экономическая адаптация, человеческий капитал, образование, занятость, здоровье, социальный капитал

JEL: I31, Z13

Цитирование: Логинов Д.М. (2021) Нематериальные ресурсы населения в новом адаптационном цикле // Общественные науки и современность. № 6. С. 40–60. DOI: 10.31857/S086904990017876-5

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. The article was prepared as part of the research work of the state assignment of the RANEPA.

Non-Material Resources of the Population in the New Adaptation Cycle

© D. LOGINOV

Dmitry M. Loginov, Russian Presidential Academy of National and Public Administration (Moscow, Russia), loginov-dm@ranepa.ru

Abstract. The period of epidemiological instability created by the new coronavirus infection and implementation of countermeasures has made a complex of adaptation tasks actual for various groups of the population in Russia. As the experience of socio-economic adaptation of the past decades shows, the variety and success of implementing behaviour models in high degree depends on the level of non-material resource potential development. The materials of the representative sociological survey conducted by ISAP RANEPA in 2020 shows the structure and differentiation of non-material resource potential of the Russian population in the acute phase of the epidemiological crisis. The author considers this very period to be the beginning of a new adaptation cycle which demands various social groups to mobilize accumulated abilities to build successful models of behaviour in an unstable external environment. According to the results of the survey, the population is significantly differentiated by the level of available non-material resources: the integral index created on the basis of indicators of education, health and social connections demonstrates that the resource-availability lower than average characterizes 35,6% of the population, while 36,6% have the average level and 27,8% are highly provided with resources. The different levels of non-material resources development lead not only to differentiation by professional status, but also to inequality in capacity to adapt to a crisis situation. It is reflected both in the greater stability in employment of the group with high non-material resources and in their more stable financial situation. Meanwhile, the problem of underuse of accumulated individual resources and barriers to achieving sufficient financial and social statuses even for representatives of well-off resource groups remains actual.

Keywords: population, socio-economic resources, socio-economic adaptation, human capital, education, employment, health, social capital

JEL: I31, Z13

Citation: Loginov D. (2021) Non-Material Resources of the Population in the New Adaptation Cycle. *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*, no. 6, pp. 40–60. DOI: 10.31857/S086904990017876-5 (In Russ.)

Окончание 2010-х гг. стало для российского населения временем стабилизации после достаточно трудного пятилетия, в течение которого массовые социальные группы ощутили снижение доходов и уровня жизни, в существенной степени исчерпав имевшиеся резервы. Период новой нестабильности, который начался в 2020 г. вследствие появления новой коронавирусной инфекции и ограничений, которые препятствуют ее распространению, ознаменовал собой начало нового адаптационного цикла. Сталкиваясь с изменениями поведенческих рамок и возможностей экономической активности, нестабильностью доходов и размытостью перспектив, различные группы российского населения встают перед необходимостью реализации адаптационных практик, которые позволяют сгладить влияние эпидемиологической и социально-экономической нестабильности.

Как показывают многочисленные исследования, адаптационные практики, которые помогают достигать и удерживать приемлемые материальные и статусные позиции, формируются, в том числе, на основе активизации собственных возможностей в форме индивидуальных нематериальных ресурсов. Создание и использование индивидуального ресурсного потенциала, таким образом, способствует увеличению адаптационных шансов различных групп населения в условиях нестабильности.

Данная статья анализирует структуру и дифференциацию нематериального ресурсного потенциала населения, а также выявляет возможности и ограничения использования накопленных ресурсов для решения адаптационных задач в условиях негативных последствий, вызванных эпидемией. Для решения поставленных задач автор обращается к результатам репрезентативного социологического исследования российского населения в возрасте 18–65 лет (объем выборочной совокупности – 3500 респондентов). Исследование проведено Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в период старовой фазы эпидемиологического кризиса весной 2020 г. и тематически сфокусировано на ресурсных возможностях населения и перспективах адаптации к актуальной ситуации эпидемиологического неблагополучия, а также будущих негативных социально-экономических последствиях пандемии.

Ресурсный подход в исследовании процессов социально-экономической адаптации

Автор, исходя из ставших классическими определений [Абраамова, Дискин 1997; Козырева 2011], понимает процесс социально-экономической адаптации как формирование и реализацию адекватных вызовам внешней среды моделей поведения. В условиях стабильного развития персональные и групповые взаимодействия с социальной средой выстраиваются постепенно. Таким образом происходит постоянное поступательное развитие на индивидуальном, групповом и общественном уровнях.

Социально-экономическая адаптация в России последние тридцать лет имеет резкий и зачастую кризисный характер, вызванный трансформацией институтов и социальной структуры общества, экономическими кризисами, переформатированием и неустойчивостью процессов как внутри социальных групп, так и между ними. В условиях негативной динамики качества жизни населения, ухудшения ситуации на рынке труда, снижения эффективности государственной социальной политики поведенческие модели неизбежно корректируются. Различные группы населения стремятся к тому, чтобы сделать рациональный выбор [Berk, Berk 1983; Coleman 1986; Simon 1971 и др.] и решить задачи социально-экономической адаптации с учетом собственных возможностей и ограничений «институциональной рамки».

Такая ситуация, очевидно, выводит адаптационную проблематику в авангард исследовательского интереса. С 1990-х гг. проводится значительный комплекс исследований, посвященных концептуальному и эмпирическому анализу социально-экономической адаптации в нашей стране. Так, исследователи обосновали различия между добровольной и вынужденной адаптацией, когда новые ценности и становящиеся успешными поведенческие модели вступают в противоречие с устоявшимися в прежних институциональных условиях [Гордон 1994; Шабанова 1995]. Изменение условий жизнедеятельности обусловлено ценностными трансформациями, когда представители различных групп населения меняют свои взгляды на жизнь, реализуемые практики и модели достижения успеха [Тихонова 1995; Лапин 1996]. В ходе трансформационных процессов, как показывает анализ периода 1990-х гг., перестраивается сама общественная структура, изменяется состав прежде устоявшихся социальных групп и формируются новые [Заславская 1997; Тихонова 1997]. По завершении достаточно благополучного периода экономического развития и роста доходов населения во второй половине 2010-х гг. исследования социально-экономической адаптации вновь стали актуальными [Абраамова, Логинов 2015; Каравай 2020].

Успех адаптационных практик заключается в реализации эффективных поведенческих моделей, которые приводят к достижению приемлемых материальных и статусных позиций. В значительной степени он зависит от уровня развития ресурсов, востребованных внешней средой. Ресурсный подход активно применяют как при изучении проблематики

адаптационного поведения, так и комплекса проблем социальной стратификации. Если ранее вопросы неравенства и системы социальной стратификации рассматривали на основе выделения какого-либо одного доминирующего критерия (актива) – экономического, политического, культурного, социального, престижного, гражданского, человеческого [Grusky 2001] – то к настоящему времени сложились разнообразные версии многомерных подходов к выделению ресурсов. Они позволяют как и более точно описывать систему социальной стратификации, так и выделять возможности и условия для формирования адаптационных стратегий.

Так, П. Бурдье, изучая проблематику социальной стратификации современного общества, добавил к традиционному для марксистской социологии экономическому капиталу иные, нематериальные формы капитала: культурный, социальный и символический [Бурдье 2004]. В концепции Э. Соренсена [Sorensen 2000] критерием для выделения классовых позиций выступают личные активы (человеческий капитал); способности и умения; физический капитал (средства производства) и активы, приобретаемые на рабочем месте. Многомерную ресурсную модель, которая включает в себя как материальные, так и нематериальные ресурсы, применял У. Бек для анализа «общества риска» [Бек 2000].

В отечественной социологии рассматривали проблематику социальной стратификации и адаптации через призму ресурсного подхода Т.И. Заславская [Заславская 2004], О.И. Шкаратан [Шкаратан 2003], В.В. Радаев [Радаев 2002]. Последний, в частности, выделил такие ресурсные основания для исследования стратификации, как экономический, физиологический, культурный, человеческий, социальный, политический, административный и символический типы капиталов. С методологической точки зрения ресурсный подход предстает наиболее всесторонне обоснованным в работах Н.Е. Тихоновой [Тихонова 2014]. В них не только выделяется комплекс разнообразных материальных и нематериальных ресурсов (экономические, квалификационные, социальные, властные, символические, физиологические, культурные, личностные), но и представлены подходы к их операционализации.

Адаптационные возможности в такой постановке определяются набором материальных и нематериальных факторов, в качестве которых рассматривают показатели образования и профессионально-квалификационного статуса, уровня доходов, имущественной обеспеченности и т.д. [Заславская 2005; Гордон 1994; Абраамова 2005]. Ресурсный подход к исследованию человеческих возможностей, поведенческих моделей и результатов их реализации [Тихонова 2006] закрепляет рассмотрение немонетарных возможностей формирования адаптационных практик. В рамках ресурсного дискурса исследователи изучали номенклатуру и уровень развития ресурсов, которые могут быть накоплены, а также перспективы их востребованности меняющейся внешней средой [Абраамова, Логинов 2002; Тихонова 2004]. Таким образом, нематериальные возможности индивидов и групп населения, накапливаясь с течением времени, приобретают ресурсную значимость, увеличивая конкурентные шансы и расширяя возможности успешной социально-экономической адаптации и вертикальной мобильности в условиях изменяющейся внешней среды.

Ситуация, которая сложилась в результате эпидемии коронавируса, продолжает негативно воздействовать на ранее сложившиеся социальные институты, социально-экономические практики, образ жизни. Резкое замедление темпов роста мировой экономики, разрыв устоявшихся цепочек поставок, остановка в развитии многих отраслей экономики, банкротство многочисленных предприятий малого и среднего бизнеса – данные процессы неизбежно заставляют различные страты общества находить новые подходы к выстраиванию адекватных способов адаптации к формирующейся реальности. Однако еще достаточно рано говорить о стабилизации социально-экономической ситуации, а значит стратегии и тактики адаптации, которые население выбирает в условиях повышенной неопределенности и высоких рисков, также реализуются с большой осторожностью. Кризисная ситуация в социально-экономической сфере и неопределенность перспектив

выхода из нее с большой степенью вероятности создают стимулы для более рационального и бережливого использования уменьшающихся ресурсов (прежде всего материальных), одновременно актуализируя важность обращения к нематериальным ресурсам. Таким образом, в качестве общей гипотезы о содержании начала нового адаптационного цикла можно предположить, что первоначальная стратегия адаптации с большой вероятностью будет состоять в ревизии сложившейся поведенческой модели, аккумулировании ранее накопленных ресурсов и ожидании открывающихся возможностей.

Структура и дифференциация нематериальных ресурсов

В рассмотренной выше исследовательской практике выделяют достаточно широкий спектр разнообразных ресурсов, которые индивидуумы могут накапливать и использовать, решая адаптационные задачи. Не претендуя на анализ всей многоаспектной структуры ресурсного потенциала, в рамках настоящего исследования автор выделяет следующие его элементы: образование, здоровье и социальные связи. Предлагаемая для рассмотрения структура описывает разные уровни человеческих возможностей (образовательные, физиологические, социальные), поддается однозначной операционализации, а также характеризует человеческие ресурсы, которые имеют подтвержденный потенциал ликвидности в условиях сложных для населения трансформаций отечественного социально-экономического контекста.

Алгоритм оценки предполагает ранжирование каждого из выделенных ресурсов по единой сопоставимой шкале с четырьмя балльными значениями, что позволяет впоследствии интегрально оценить ресурсообеспеченность. Предлагаемая методика оценки отдельных ресурсов и интегральной ресурсообеспеченности основана на представлении о потенциальной сопоставимости и взаимодополняемости ресурсов: дифференцированные ресурсные возможности очевидным образом расширяют жизненные шансы, при этом дефицит одного ресурсного вида может быть с определенными ограничениями замещен путем использования другого.

Рассмотрение ресурсной значимости образования на концептуальном и эмпирическом уровнях закреплено в теории человеческого капитала [Becker 1962; Schultz 1961; Mincer 1958; Аникин 2017; Плискевич 2012; Тихонова, Каравай, Латова 2019]. Обосновано, что увеличение длительности профессиональной подготовки и повышение образовательного уровня, а также новые знания и компетенции позволяют получить конкурентные преимущества на рынке труда и повысить материальный статус. В условиях массового распространения профессионального образования, неравномерности его качества, усложнения запросов и требований рынка труда использовать для оценки образовательного ресурса лишь формальные характеристики достигнутого уровня образования недостаточно. В связи с данным фактом уровень полученного образования дополняется параметром качества образовательного ресурса, который характеризуется субъективной оценкой. Безусловно, большинство населения вряд ли обладает экспертными возможностями, которые позволяют полно и компетентно оценить качество полученной образовательной подготовки. Однако предлагаемый подход вполне применим для задач качественной дифференциации.

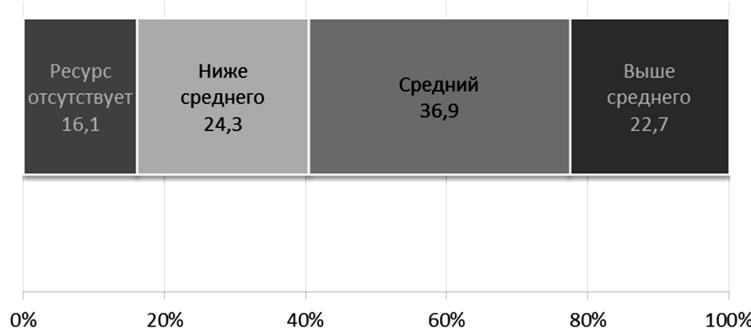
Таким образом, образовательный ресурс автор характеризует на основании комбинации двух характеристик: объективного (достигнутого уровня образования) и субъективного (качество получаемого или полученного профессионального образования). Оценочная шкала имеет следующий вид:

- ресурс отсутствует (0 баллов), если профессиональное образование отсутствует;
- ниже среднего (1 балл): уровень образования – начальное или среднее профессиональное / незаконченное высшее, качество которого, по субъективной оценке, не достигает высокого;

– среднее (2 балла): высшее образование низкого или среднего качества; начальное или среднее профессиональное / незаконченное высшее образование высокого качества;

– выше среднего (3 балла): высшее образование высокого качества.

Дифференциация обеспеченности образовательным ресурсом характеризуется следующим распределением (рис. 1):

Рисунок 1. Уровень обеспеченности образовательным ресурсом, %

Figure 1. The level of educational resource availability, %

Как видно из представленных данных, образовательный ресурс достаточно высоко развит: почти 60% опрошенных характеризуются значением не ниже среднего. Наличие и уровень образовательного ресурса в максимальной степени зависят от места жительства. Значения в разрезе поселенческих групп, представленные в таблице 1, показывают, что зависимость яркая и прямая: чем больше размер населенного пункта, тем выше уровень образовательного ресурса населения.

Таблица 1

Значение образовательного ресурса, по поселенческим группам, % по строке

Table 1

The value of educational resource, by settlement groups, % by line

Типы поселений	Оценка образовательного ресурса			
	Отсутствует	Ниже среднего	Средний	Выше среднего
Город более 1 млн чел.	11,4	19,6	35,9	33,1
Город более 100 тыс. чел.	13,5	22,8	39,2	24,5
Город 100 тыс. чел. и менее	16,2	27,9	36,8	19,2
Село	24,6	27,5	34,4	13,5

Уровень здоровья, который традиционно рассматривают в числе параметров человеческого развития как в концептуальных обоснованиях теории человеческого капитала [Shultz 1961; Becker 1975], так и в российской исследовательской практике [Васильчук 2002; Саградов 2006] – также значимый нематериальный ресурс, определяющий неравенство возможностей и достижений [Радаев 2005]. Чем выше показатели здоровья, тем шире возможности выбора рабочих мест и увеличения трудовой нагрузки, благодаря чему можно достичь соответствующих карьерных и материальных позиций. Напротив, сравнительно

низкие показатели здоровья ограничивают доступ к привлекательным рабочим местам на конкурентном рынке труда, препятствуя успешной адаптации.

Индикаторами оценки ресурса здоровья выступают показатели субъективного восприятия его качества и наличие инвалидности. Баллирование субъективных оценок выглядит следующим образом:

- ресурс отсутствует (0 баллов): самооценка здоровья как «плохое» или «скорее плохое»;
- ниже среднего (1 балл): самооценка соответствует среднему значению;
- среднее (2 балла): самооценка – «скорее хорошее»;
- выше среднего (3 балла): здоровье субъективно характеризуется как «хорошее».

Для имеющих инвалидность сумма баллов корректировалась: при наличии третьей группы инвалидности – минус 1 балл, первой или второй группы – минус 2 балла. Итоговые отрицательные значения приравнивались к 0.

Исследование показало, что самая многочисленная группа обладает здоровьем уровня ниже среднего, а около трети опрошенных относятся к максимальному уровню (рис. 2).

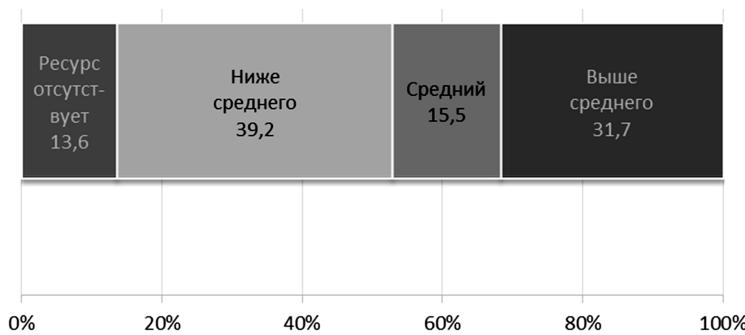

Рисунок 2. Уровень обеспеченности ресурсом здоровья, %

Figure 2. Resource level of health, %

Самый значимый фактор, который влияет на уровень здоровья – возраст: чем старше респонденты, тем ниже значение. Однако необходимо отметить, что даже в самой старшей возрастной группе показатели большинства характеризуются не минимальным значением, а уровнем ниже среднего. Молодые, ожидаемо, обладают самыми высокими показателями (таб. 2).

Таблица 2

Значение ресурса здоровья, по возрастным группам, % по строке

Table 2

The value of the resource of health, by age groups, % by line

Возрастные группы	Оценка актива здоровья			
	Отсутствует	Ниже среднего	Средний	Выше среднего
18–24 года	5,5	21,9	20,4	52,2
25–34 года	5,5	28,7	20,6	45,2
35–44 года	8,6	39,3	16,5	35,6
45–54 года	17,3	46,9	13,8	22,0
55–65 лет	27,5	50,9	8,4	13,2

Показатели ресурса здоровья отличаются и по гендерным группам: возможностям женщин существенно ниже. Особенно значительна дифференциация в группе «выше среднего»: среди мужчин ее наполнение составляет 38%, среди женщин – только четверть (таб. 3).

Таблица 3
Значение ресурса здоровья, по гендерным группам, % по строке

Table 3

The value of the resource of health, by gender groups, % by line

Гендерные группы	Оценка ресурса здоровья			
	Отсутствует	Ниже среднего	Средний	Выше среднего
Мужчины	12,0	33,5	16,3	38,3
Женщины	15,2	44,6	14,7	25,5

Была проверена гипотеза о том, что гендерные различия в обеспеченности ресурсом здоровья могут определяться количественным приоритетом женщин среди представителей старшего поколения, в котором, как показано выше, показатели здоровья очевидно снижены. Отчасти данное утверждение действительно, однако анализ по половозрастным группам показывает, что для любой из них уровень здоровья женщин сравнительно низок.

Ресурс социальных связей характеризуется возможностями человека получить помощь в решении значимых для него проблем со стороны социального окружения. В соответствии с определением П. Бурдье, сети институциональных отношений составляют совокупность актуальных или потенциальных ресурсов на основе знакомства и признаний [Бурдье 2002]. На основе разработок Дж. Коулмана [Coleman 1990] можно постулировать, что социальные связи приобретают ресурсную значимость тогда, когда могут быть конвертированы в конкурентные преимущества, замещение дефицита других ресурсов или увеличение их ликвидности. В данном исследовании ресурс социальных связей рассматривается через анализ широты потенциально полезных социальных взаимодействий, то есть через количество субъектных групп, которые могут помочь в разрешении трудной ситуации или способствовать реализации успешных жизненных стратегий.

Баллирование осуществляется на основе положительных ответов на вопрос о возможности получения помощи от представителей каждой из выделенных субъектных групп (родственники, друзья, коллеги, участники сетевых сообществ в интернете, государственные органы, общественные организации). Результирующая оценочная шкала имеет следующий вид:

- ресурс отсутствует (0 баллов): не отмечена возможность резльтативного обращения к представителям ни одной из перечисленных групп;
- ниже среднего (1 балл): отмечена возможность резльтативно обратиться только к одному из видов акторов;
- среднее (2 балла): возможность обратиться к представителям двух групп социальных акторов;
- выше среднего (3 балла): возможность обратиться к представителям трех и более групп акторов.

Распределение дифференциации обеспеченности ресурсом социальных связей иллюстрирует, что более 40% населения не видят никаких возможностей получить значимую для себя внешнюю помощь и поддержку (рис. 3).

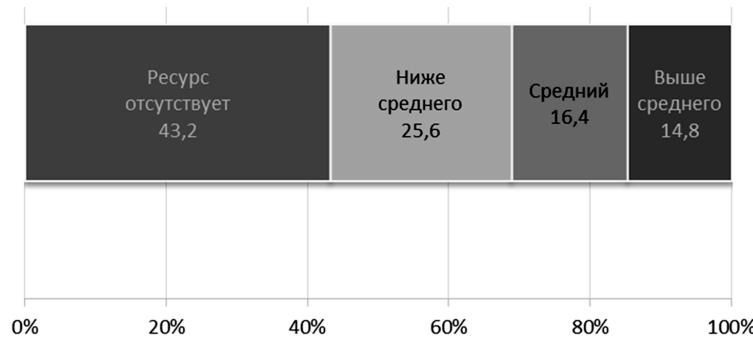

Рисунок 3. Уровень обеспеченности ресурсом социальных связей, %

Figure 3. The level of availability of social connections resource, %

Рассмотрим субъектные различия. Самым дефицитным каналом результативных взаимодействий выступают участники сетевых сообществ, которые достигают значимости на уровне около 10% лишь в группе с максимальным ресурсом социальных связей. Неудивительно, что доступнее всего для оказания помощи в трудной жизненной ситуации стали родственники. Однако надо отметить, что ожидания поддержки со стороны государственных органов значительны и существенно превышают перспективы обращения к другим субъектам за пределами «личного круга знакомств». В частности, в группе лиц с одним каналом взаимодействий (ресурс социальных связей «ниже среднего») треть опрошенных рассчитывают на государственную помощь, которая в данном случае имеет второй ранг. Подобный спектр мнений свидетельствует о том, что достаточно высокий запрос на содействие государства со стороны различных групп населения [Салмина 2012, Аникин, Лежнина и др. 2020], пусть он и не полностью удовлетворен, подтверждается надеждами на поддержку в трудной ситуации (таб. 4).

Таблица 4

Субъекты оказания помощи и поддержки, по группам оценки ресурса социальных связей, % по столбцу, допускалось более одного ответа

Table 4

Subjects of help and support, by groups of social connections resource assessment, % by column, more than one answer was allowed

Субъекты получения помощи, в случае необходимости	Оценка ресурса социальных связей			
	Отсутствует	Ниже среднего	Средний	Выше среднего
Родственники	0,0	45,8	62,8	93,7
Друзья	0,0	12,1	50,7	88,2
Коллег	0,0	4,8	23,0	75,8
Участники сетевых сообществ в интернете	0,0	1,0	3,1	11,1
Государственные органы	0,0	33,3	40,7	44,3
Общественные организации	0,0	3,0	19,7	28,5

Самый значимый фактор социально-демографической дифференциации, который определяет уровень обеспеченности ресурсом социальных связей – возраст. Чем в более активном возрасте находится человек, чем больше социальных ролей он играет – тем раз-

нообразнее структура его социальных взаимодействий и больше возможности получить от них результат. Ресурс максимальен у самых молодых, а минимальен – в старшей возрастной когорте. Наиболее заметны различия между возрастными группами именно в доле наиболее ресурсообеспеченных и депривированных; наполненность групп развитости ресурса социальных связей на уровнях среднего и ниже среднего по возрастным когортам вполне сопоставима (таб. 5).

Таблица 5
Значение ресурса социальных связей, по возрастным группам, % по строке
 Table 5
The value of social connections resource, % by line

Возрастные группы	Оценка ресурса социальных связей			
	Отсутствует	Ниже среднего	Средний	Выше среднего
18–24 года	28,0	25,8	19,9	26,4
25–34 года	37,1	24,5	19,6	18,8
35–44 года	42,3	25,6	16,7	15,4
45–54 года	47,8	26,1	14,0	12,0
55–65 лет	54,3	24,6	12,8	8,4

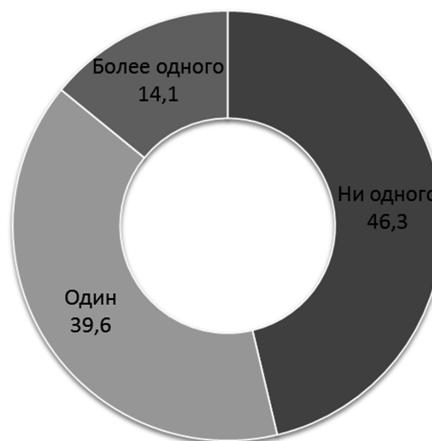
Важный фактор дифференциации обеспеченности ресурсом социальных взаимодействий – профиль занятости. Очевидно, что любая занятость увеличивает социальный капитал, в том числе (но не только) через возможности получить помощь и поддержку от коллег по работе (таб. 6).

Собственники бизнеса и индивидуальные предприниматели обладают максимальным ресурсом социальных связей.

Таблица 6
Значение ресурса социальных связей, по группам профиля занятости, % по строке
 Table 6
The value of social connections resource, by groups of employment profile, % by line

Профиль занятости	Оценка ресурса социальных связей			
	Отсутствует	Ниже среднего	Средний	Выше среднего
Собственники бизнеса, ИП, самозанятые	35,3	26,9	19,8	18,0
Руководители и специалисты высшей квалификации	41,5	23,9	17,5	17,1
Специалисты средней квалификации, рядовые работники торговли и услуг	44,4	23,9	14,3	17,4
Рабочие	40,6	23,9	16,4	19,1
Не занятые	46,8	26,8	15,8	10,5

Данные, представленные на рис. 4, показывают, что более 40% населения не обладают ресурсами максимального значения.

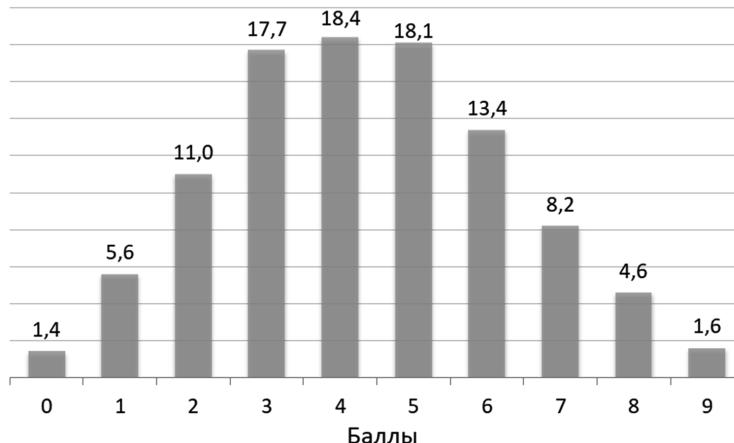

Рис. 4. Количество ресурсов, уровень обеспеченности которыми соответствует значению «выше среднего», %

Figure 4. Number of resources, which level of availability corresponds to the value «above average», %

Интегральная оценка нематериальной ресурсной обеспеченности

На основе обеспеченности каждым из выделенных ресурсных параметров автор провел интегральную оценку ресурсного потенциала населения. Суммарное количество баллов по шкалам ресурсов образования, здоровья, социальных связей (каждый из которых измерен в диапазоне от 0 до 3 баллов) представлено на рисунке 5. Среднее значение балльного распределения составляет 4,34; медианное – 4.

Рисунок 5. Балльная оценка нематериальной ресурсообеспеченности населения, %

Figure 5. Scoring assessment of availability of non-material resources for population, %

Определение пороговых значений балльного распределения позволяет свести результаты к пяти группам, которые дифференцированы по уровням развития ресурсных возможностей потенциала (рис. 6).

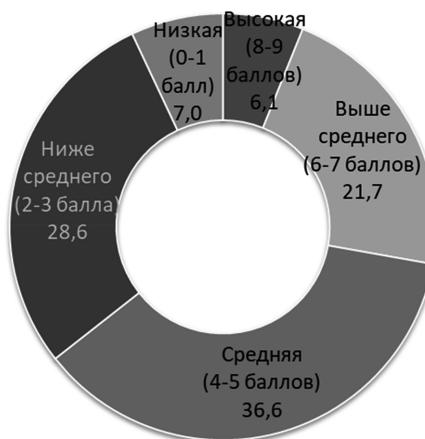

Рисунок 6. Интегральная оценка ресурсного потенциала, %

Figure 6. Integral assessment of resource potential, %

С учетом того, что наполненность двух полярных групп с высокой и низкой ресурсообеспеченностью крайне невелика и составляет 6–7%, в дальнейшем анализе пятиступенчатая шкала редуцируется в трехступенчатую с достижением большего наполнения каждой из рассматриваемых групп. В результате агрегации значений, которые характеризуют, с одной стороны, показатели «низкий» и «ниже среднего», а, с другой – «высокий» и «выше среднего», получаются три массовые группы, дифференцированные по уровню обеспеченности нематериальными ресурсами:

- ресурсообеспеченность ниже среднего – 35,6%;
- средняя ресурсообеспеченность – 36,6%;
- ресурсообеспеченность выше среднего – 27,8%.

Рассмотрим различия, которые характеризуют различные социальные группы (таб. 7).

Объем накопленных нематериальных ресурсов значительно различается у жителей сельских поселений и городов разного размера. Чем больше размер населенного пункта, тем выше доля лиц со значительным ресурсным потенциалом и ниже доля с ограниченным. Необходимо отметить, что среди жителей сел и малых городов наиболее велика группа с минимальными характеристиками индивидуальных возможностей, тогда как в городах с населением более 100 тыс. человек и в миллионниках – со средним.

Возраст значительно дифференцирует население по уровню ресурсного потенциала. Кардинальный спад происходит в старших возрастных когортах, из которых в исследование включена группа 55–65 лет. Опрошенные в возрасте до 35 лет выступают достаточно благополучной группой не только в сравнении с более старшими: среди молодежи менее четверти опрошенных относятся к ресурсно неблагополучным, одновременно около 40% обладают достаточно развитым ресурсным потенциалом.

Гендерные различия выражены не столь ярко, но также весьма заметны. Мужчины – несколько более ресурсообеспеченная группа.

Наблюдается существенная зависимость оценок накопленного ресурсного потенциала от уровня образования. С одной стороны, данная особенность заложена в самой методике, поскольку образовательный уровень – один из показателей в интегральной оценке. Как показывают распределения из таблицы 8, неразвитый образовательный потенциал крайне ограничивает достижение не только высоких, но и средних уровней ресурсной обеспеченности. Отсутствие профессионального образования в большинстве случаев

определяет обеспеченность нематериальными активами на уровне ниже среднего, а высшее образование дает мощное ресурсное преимущество. Наблюдается кумулятивный эффект, при котором развитый образовательный ресурс расширяет возможности накопления двух других элементов ресурсной структуры.

Таблица 7

Интегральная оценка нематериальной ресурсообеспеченности, по поселенческим, возрастным и гендерным группам, % по строке

Table 7

Integral assessment of non-material resource availability, by settlement, age and gender groups, % by line

Группы населения	Интегральная оценка нематериальной ресурсообеспеченности		
	Ниже среднего	Средняя	Выше среднего
В целом	35,6	36,6	27,8
<i>По типам поселений</i>			
Город более 1 млн чел.	26,9	38,8	34,2
Город более 100 тыс. чел.	32,6	37,7	29,8
Город 100 тыс. чел. и менее	38,7	36,3	25,1
Село	45,1	33,5	21,4
<i>По возрастным группам</i>			
18–34 года	23,4	39,0	37,6
35–54 года	35,7	37,3	27,0
55 лет и старше	53,2	31,8	15,0
<i>По гендерным группам</i>			
Мужчины	33,5	34,4	32,1
Женщины	37,6	38,6	23,8

Таблица 8

Интегральная оценка нематериальной ресурсообеспеченности, по образовательным группам, % по строке

Table 8

Integral assessment of non-material resource availability, by educational groups, % by line

Образовательные группы	Интегральная оценка ресурсного потенциала		
	Ниже среднего	Средний	Выше среднего
Отсутствие профессионального образования	58,6	26,3	15,1
Среднее/начальное профессиональное образование	44,6	36,6	18,9
Высшее образование	12,5	42,7	44,8
В целом	35,6	36,6	27,8

Анализ дифференциации по группам занятости показывает, что максимальная доля обладающих высокоразвитыми нематериальными ресурсами приходится на группу руководителей и специалистов высшей квалификации (45%). Минимальными ресурсами обла-

дают незанятые: только 18% обладают оценками выше среднего, тогда как почти половина имеют ограниченный потенциал. С одной стороны, занятость позволяет приращивать нематериальные ресурсы, что особенно заметно в отношении социальных связей среди представителей группы занятых на высокостатусных позициях. С другой стороны, развитие нематериальных активов значительно расширяет шансы достигнуть приемлемых карьерных позиций. Как показывают результаты исследования, среди обладающих ресурсами возможностями выше среднего уровня доля руководителей и специалистов высшей квалификации составляет почти половину.

Возможности и пределы реализуемости ресурсного потенциала

Рассмотрим возможности реализации накопленного ресурсного потенциала для достижения сравнительно высоких материальных и статусных позиций.

Как показывают данные в таблице 9, проблема ограниченной ликвидности индивидуальных ресурсов, которую отмечали в исследованиях процессов социально-экономической адаптации с 1990-х гг., сохраняет актуальность. Материальные и статусные достижения значительных групп населения как минимум на одну «ступень» отстают от уровня развития индивидуального ресурсного потенциала. Особенно данные различия заметны при рассмотрении материального статуса: средний показатель нематериальной ресурсообеспеченности в почти половине случаев соответствует более низким оценкам материального благополучия, а развитие индивидуальных ресурсов до уровней выше среднего позволяет достигнуть соответствующей оценки материального статуса менее 15% опрошенных.

Таблица 9

Материальное и общественное положение (по самооценке) в зависимости от уровня нематериальной ресурсной обеспеченности, % по столбцу

Table 9

Financial and social position (self-estimation) by level of non-material resource availability, % by column

Уровень...	Интегральная оценка нематериальной ресурсообеспеченности			
	Ниже среднего	Средняя	Выше среднего	В целом
... материального положения				
Низкий	32,1	19,6	10,8	21,6
Ниже среднего	31,6	26,2	22,4	27,1
Средний	33,3	48,2	52,7	44,1
Выше среднего	2,6	4,9	12,6	6,2
Высокий	0,4	1,1	1,5	1,0
... общественного положения				
Низкий	16,0	6,5	4,0	9,2
Ниже среднего	24,5	17,4	10,8	18,1
Средний	54,3	66,9	66,4	62,3
Выше среднего	4,1	6,9	15,3	8,2
Высокий	1,0	2,3	3,5	2,2

Вместе с тем развитие индивидуальных ресурсов значительно расширяет шансы на получение и удержание привлекательных социально-экономических статусов. Уровни материальной обеспеченности и общественного положения выше среднего значения при отсутствии сопоставимого показателя ресурсной обеспеченности практически

не достижимы. Ресурсный потенциал выше среднего уровня значительно снижает риски включенности в низкодоходные и низкостатусные слои. Среднее значение ресурсообеспеченности по сравнению с низшими сегментами сужает группы материальной и статусной дезадаптации примерно на 30% и 45% соответственно.

В условиях экономической нестабильности и эпидемиологических ограничений первой половины 2020 г. проявился значительный демпфирующий эффект развитого ресурсного потенциала. Существенную негативную динамику материальной обеспеченности в рассматриваемый период отметили 20% опрошенных. В группе интегральной оценки ресурсообеспеченности ниже среднего доля таких ответов превысила 25%, а среди обладающих ресурсами выше среднего уровня она составляет около 15%.

Ожидания от будущего также дифференцируются в зависимости от индивидуальной ресурсной обеспеченности (таб. 10). Перспективная динамика материальной обеспеченности на горизонте ближайшего года демонстрирует, что доли ожидающих улучшений в полярных группах ресурсообеспеченности отличаются почти двукратно. Необходимо отметить, что значительный ресурсный потенциал снижает ощущение неопределенности в условиях кризисного шока. Данную специфику подтверждает тот факт, что в составе соответствующей группы минимальная доля респондентов затруднились оценить свои перспективы.

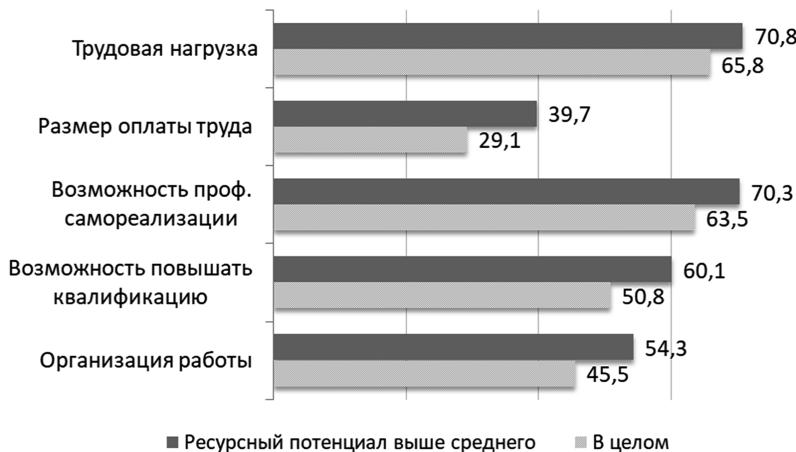
Таблица 10
Самооценка перспективной динамики материального положения, по группам интегральной оценки нематериальной ресурсообеспеченности, % по строке

Table 10
Self-estimation of prospective financial position dynamics, by groups of integral assessment of non-material resource availability, % by line

Интегральная оценка ресурсного потенциала	Самооценка перспективной динамики материального положения			
	Улучшится	Не изменится	Ухудшится	Затруднились ответить
Ниже среднего	11,7	44,4	31,9	12,1
Средний	14,7	46,6	29,6	9,2
Выше среднего	21,0	47,7	24,0	7,3
В целом	15,4	46,1	28,9	9,7

Рассмотрим теперь положение на рынке труда представителей различных ресурсных групп с точки зрения удовлетворенности трудовыми позициями. Надо отметить, что занятые имеют достаточно оптимистичные представления об имеющейся работе по большинству параметров оценки (рис. 7). Явным исключением выступает уровень оплаты труда: лишь 29% опрошенных удовлетворены данным параметром. Стоит отметить, что развитый ресурсный потенциал позволяет увеличить удовлетворенность всеми характеристиками работы. Особенно заметно различие в отношении самого дефицитного из них: размер оплаты труда полностью соответствует ожиданиям 40% данной группы.

В результате агрегации параметров восприятия респондентами своей позиции на рынке труда получается интегральная оценка привлекательности занимаемых рабочих мест. Около трети занятых удовлетворены двумя или тремя индикаторами и имеют работу средней привлекательности. Представители двух групп, сопоставимых по доле (13–15% каждой), имеют низкую или высокую оценки. Еще две группы, в каждую из которых включены около 20% работающих, занимают рабочие места интегральной оценки ниже и выше среднего.

Рисунок 7. Доля опрошенных, удовлетворенных различными характеристиками занимаемой трудовой позиции, % от работающих, допускалось более одного ответа

Figure 7. The share of respondents satisfied with various characteristics of their job, % of those who are employed, more than one answer was allowed

Если доля занятых на среднеудовлетворительных позициях абсолютно не зависит от уровня ресурсообеспеченности (различия составляют менее 1%), то возможности получить и удержать привлекательные рабочие места значительно различаются в зависимости от объема ресурсного потенциала. Высокая и низкая оценки работы в полярных группах ресурсообеспеченности различаются более чем двукратно.

Таблица 11

Привлекательность занимаемых рабочих мест, по группам интегральной оценки нематериальной ресурсообеспеченности, % от работающих, по строке

Table 11

The attractiveness of jobs, by groups of integral assessment of non-material resource availability, % of those who are employed, by line

Интегральная оценка ресурсного потенциала	Привлекательность занимаемых рабочих мест				
	Низкая	Ниже среднего	Средняя	Выше среднего	Высокая
Ниже среднего	20,4	21,3	34,8	13,5	10,0
Средний	12,3	20,2	34,0	21,4	12,1
Выше среднего	8,8	13,6	34,1	22,3	21,2
В целом	13,2	18,2	34,3	19,6	14,7

Возвращаясь к контексту экономической нестабильности и эпидемиологических ограничений, рассмотрим устойчивость занятости россиян с различным ресурсным уровнем. Как видно из данных таблицы 12, развитый потенциал нематериальных активов в существенной степени можно назвать «страховкой от нестабильности»: только 18% группы выше среднего ресурсного потенциала считают, что их занятость неустойчива, а новое трудоустройство сопряжено с существенными трудностями. В двух других группах такая позиция распространена в полтора-два раза чаще.

Таблица 12

Устойчивость занятости, по группам интегральной оценки ресурсного потенциала, % от занятых, по строке

Table 12

The stability of employment, by groups of resource potential integral assessment, % of those who are employed, by line

Интегральная оценка ресурсного потенциала	Устойчивость занятости		
	Риск потери работы незначительный	Риск потери работы существенный, но легко найти новую	Риск потери работы существенный, и трудно найти новую
Ниже среднего	59,3	4,8	36,0
Средний	65,6	4,7	29,7
Выше среднего	77,5	4,5	18,0
В целом	68,0	4,7	27,3

Предсказуемо, что кризисная ситуация и неясность перспектив глубины и длительности негативных явлений актуализируют запрос на социальную поддержку. Более половины опрошенных относят себя к нуждающимся в помощи со стороны государства, в том числе 16% – к остро нуждающимся (таб. 13).

Таблица 13

Острота запроса на социальную поддержку, по группам интегральной оценки ресурсного потенциала, % от занятых, по строке

Table 13

Actuality of request for social support, by groups of resource potential integral assessment, by line

Интегральная оценка ресурсного потенциала	Самооценка нуждаемости в помощи со стороны государства			
	Очень нуждаются	Скорее нуждаются	Скорее не нуждаются	Не нуждаются
Ниже среднего	23,6	50,0	20,5	5,8
Средний	14,5	47,1	29,2	9,2
Выше среднего	8,9	40,6	36,0	14,5
В целом	16,2	46,3	28,0	9,5

Запрос на социальную поддержку максимизируют представители наименее ресурсообеспеченных слоев населения, почти 75% из которых отнесли себя к потенциальным реципиентам, а около четверти сильно нуждаются в помощи. По мере наращивания ресурсного потенциала значительно возрастают доли опрошенных, которые способны самостоятельно решить адаптационные задачи и достичь приемлемого уровня жизни.

Заключение

Характеризуя уровень и результативность использования ресурсного потенциала населения, необходимо отметить существенную дифференциацию по уровню обеспеченности нематериальными ресурсами. Интегральный показатель ресурсообеспеченности (в него входят индикаторы образования, здоровья и социальных связей) иллюстрирует, что группы ниже среднего и среднего уровня практически равны и составляют 35–36% населения,

а 28% обладают сравнительно высокими ресурсными возможностями. Они наиболее ограничены у жителей малых городов и сельских поселений, а также у представителей старших возрастных когорт.

Различия в уровне нематериальных ресурсов приводят к неравенству в способности успешно адаптироваться к социально-экономической нестабильности. Развитый ресурсный потенциал значимо снижает риски перехода в низкодоходные и низкостатусные слои, а также закрепления на таких позициях. Одновременно ресурсный дефицит снижает шансы войти в благополучные доходные и статусные группы практически до нуля, существенно ограничивая возможность достижения даже средних позиций.

Развитие индивидуальной ресурсной базы позволяет достигнуть лучших позиций на рынке труда. Удовлетворенность размером трудового дохода в благополучной ресурсной группе превышает средние значения на 10 п.п., достигая достаточно значительного в условиях невысоких доходов в массовых сегментах занятости уровня (40%). Ресурсное благополучие также повышает устойчивость занятости, двукратно снижая риски войти в группу опасающихся потерять работу и столкнуться со сложностями поиска новой.

Продолжает оставаться актуальной проблема недоиспользования накопленных индивидуальных ресурсов и барьеров, которые препятствуют достижению приемлемых материальных и социальных статусов даже представителям благополучных ресурсных групп. Цепочка «накопление нематериальных ресурсов → успешное использование ресурсного потенциала с достижением желаемых уровней дохода и общественного положения» остается во многом разорванной. Такая ситуация придает насущный характер как задачам институционального развития (которое стимулирует расширение сегментов рынка труда, востребующих развитый человеческий потенциал), так и необходимости социальной поддержки уязвимых групп населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авраамова Е.М. (2005) Воспроизведение адаптационных практик в период российской трансформации // Общественные науки и современность. №6. С. 5–15.
- Авраамова Е.М., Дискин И.Е. (1997) Адаптация населения и элит // Общественные науки и современность. № 1. С. 24–33.
- Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2002) Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // Общественные науки и современность. № 5. С. 24–34.
- Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2018). Адаптация населения к «новой экономической реальности» // Всероссийский экономический журнал «ЭКО». № 6. С. 86–102. DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-6-86-102>.
- Аникин В.А. (2017) Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. Т. 18. № 4. С. 120–148. DOI 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156.
- Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. (2020) Кто и почему ищет государственной поддержки в новой России? // Мир России. Т. 29. № 1. С. 31–52. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52.
- Бек У. (2000) Общество риска. На пути к другому модерну. М.: ПрогрессТрадиция.
- Бурдье П. (2002) Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Васильчук Ю.А. (2002) К общей теории социального развития человека // Глобальный мир. Вып. 2. С. 4–65.
- Гордон Л.А. (1994) Социальная адаптация в современных условиях // Социологические исследования. № 8-9. С. 3–15.
- Заславская Т.И. (1997) Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. № 2. С. 5–23.
- Заславская Т.И. (2004) Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело.

- Заславская Т.И. (2005) Двадцать лет российской трансформации. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. № 3. С. 13–25.
- Каравай А.В. (2020) Изменения в стратегиях социально-экономической адаптации россиян в конце XX – начале XXI вв. // Journal of Institutional Studies. № 12(1). С. 144–159. DOI 10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159.
- Козырева П.М. (2011) Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. № 6. С. 24–35.
- Лапин Н.И. (1996) Динамика ценностей населения реформируемой России // Вестник российского гуманитарного научного фонда. № 2. С. 141–150.
- Плаксевич Н.М. (2012) Человеческий капитал в трансформирующейся России. М.: Институт экономики РАН.
- Радаев В.В. (2002) Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. № 4. С. 20–32.
- Радаев В.В. (2005) Экономическая социология. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Саградов А.А. (2006) Воспроизводство населения и социальный капитал // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. № 5. С. 15–32.
- Салмина А.А. (2012) Социальные запросы россиян к государству: факторы формирования и межстрановые сравнения // Мир России. Т. 21. № 3. С. 133–164.
- Тихонова Н.Е. (1995) Ценности россиян и перспективы политического процесса в России // Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 3.
- Тихонова Н.Е. (1997) Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе // Общественные науки и современность. № 3. С. 5–14.
- Тихонова Н.Е. (2004) Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. № 4. С. 24–35.
- Тихонова Н.Е. (2006) Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. Т. 7. № 3. С. 11–26.
- Тихонова Н.Е. (2014) Социальная структура России: теории и реальностью. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН.
- Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Латова Н.В. (2019) Человеческий капитал российских рабочих: состояние, динамика, факторы // Вестник РГФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 4. С. 39–47. DOI: 10.22204/2587-8956-2019-097-04-39-47
- Шабанова М.А. (1995) Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. № 9. С. 81–88.
- Шкаратан О.И., Бондаренко В.А., Крельберг Ю.М., Сергеев Н.В. (2003) Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России. М.: ГУ ВШЭ.
- Becker G.S. (1962) Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // The Journal of Political Economy. No. 70 (5). P. 9–49.
- Becker G.S. (1975) Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 2nd Ed. New York: Columbia University Press for the National Bureau of Economic Research.
- Berk S.F., Berk R.A. (1983) Supply-side sociology of the family: The challenge of the New Home Economics // Annual Review of Sociology. No. 9. P. 375–395.
- Coleman J.S. (1986) Social theory, social research, and a theory of action // American Journal of Sociology. No. 91. P. 1309–1335.
- Coleman J.S. (1990) Foundations of Social Theory. Cambridge.
- Grusky D. (2001) The Past, Present, and Future of Social Inequality. In D. Grusky (ed.) Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective. Boulder: Westview Press.
- Mincer J. (1958) Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // The Journal of Political Economy. No. 66 (4). P. 281–302.
- Schultz T.W. (1961) Investment in Human Capital // The American Economic Review. No. 51 (1). P. 1–17.
- Simon H. (1971) Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science. Microeconomics: Selected Readings, Ed. by E. Mansfield. New York.
- Sorensen A. (2000) Toward a Sounder Basis for Class Analysis // The American Journal of Sociology. Vol. 105. № 6. P. 1523–1528.

REFERENCES

- Avraamova E.M. (2005) *Vosproizvodstvo adaptacionnyh praktik v period rossijskoj transformacii* [Reproduction of Adaptation Practices in the Period of Russian Transformation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 5–15.
- Avraamova E.M., Diskin I.E. (1997) *Adaptaciya naseleniya i elit* [Adaptation of the Population and Elites]. *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*. no 1, pp. 24–33.
- Avraamova E.M., Loginov D.M. (2002) *Social'no-ekonomicheskaya adaptaciya: resursy i vozmozhnosti* [Socio-Economic Adaptation: Resources and Opportunities]. *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*. no. 5, pp. 24–34. DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-6-86-102>
- Avraamova E.M., Loginov D.M. (2018). *Adaptaciya naseleniya k «novoj ekonomicheskoj real'nosti»* [Adaptation of the Population to the “New Economic Reality”]. *Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal “EKO”*. no. 6, pp. 86–102.
- Anikin V.A. (2017) *Chelovecheskij kapital: stanovlenie koncepcii i osnovnye traktovki* [Human Capital: The Formation of the Concept and the Main Interpretations]. *Ekonomicheskaya sociologiya*. vol. 18, no. 4, pp. 120–148. DOI 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156.
- Anikin V.A., Lezhnina Yu.P., Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. (2020) *Kto i pochemu ishchet gosudarstvennoj podderzhki v novoj Rossii?* [Who and Why is Looking for State Support in the New Russia]. *Mir Rossii*. vol. 29, no. 1, pp. 31–52. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52
- Beck U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the Way to Another Modern]. Moscow: ProgressTradyciya.
- Becker G.S. (1962) Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *The Journal of Political Economy*. no. 70 (5), pp. 9–49.
- Becker G.S. (1975) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. 2 ed. New York: Columbia University Press for the National Bureau of Economic Research.
- Berk S.F., Berk R.A (1983) Supply-Side Sociology of the Family: The Challenge of the New Home Economics. *Annual Review of Sociology*. no. 9, pp. 375–395.
- Coleman J.S (1986) Social Theory, Social Research, and a Theory of Action. *American Journal of Sociology*. no. 91, pp. 1309–1335.
- Coleman J.S. (1990) *Foundations of Social Theory*. Cambridge.
- Gordon L.A. (1994) Social'naya adaptaciya v sovremennyh usloviyah [Social Adaptation in Modern Conditions]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 8-9, pp. 3–15.
- Grusky D. (2001) *The Past, Present, and Future of Social Inequality*. In: D. Grusky (ed.) *Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. Westview Press.
- Karavaj A.V. (2020) *Izmeneniya v strategiyah social'no-ekonomicheskoy adaptacii rossiyan v konce XX – nachale XXI vv.* [Changes in the Strategies of Socio-Economic Adaptation of Russians in the Late XX – Early XXI Centuries]. *Journal of Institutional Studies*. no. 12(1), pp. 144–159. DOI 10.17835/2076-6297.2020.12.1.144–159
- Kozyreva P.M. (2011) Social'naya adaptaciya naseleniya Rossii v postsovetskij period [Social Adaptation of the Russian Population in the Post-Soviet Period]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 6, pp. 24–35.
- Lapin N.I. (1996) *Dinamika cennostej naseleniya reformiruemoj Rossii* [Dynamics of the Values of the Population of the Reformed Russia]. *Vestnik rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. no. 2, pp. 141–150.
- Mincer J. (1958) Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *The Journal of Political Economy*. no. 66 (4), pp. 281–302.
- Pliskevich N.M. (2012) *Chelovecheskij kapital v transformiruyushcheye Rossii* [Human Capital in a Transforming Russia]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
- Radaev V.V. (2005) *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic Sociology]. Moscow: Izdatel'skij dom GU VSHE.
- Radaev V.V. (2002) *Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ih konvertaciya* [The Concept of Capital, Forms of Capital and their Conversion]. *Ekonomicheskaya sociologiya*. no. 4, pp. 20–32.
- Sagradov A.A. (2006) *Vosproizvodstvo naseleniya i social'nyj kapital* [Population Reproduction and Social Capital]. *Vestnik MGU. Series 6. Economy*, no. 5, pp. 15–32.
- Salmina A.A. (2012) Social'nye zaprosy rossiyan k gosudarstvu: faktory formirovaniya i mezhstranovye sravneniya [Social Demands of Russians to the State: Factors of Formation and Cross-Country Comparisons]. *Mir Rossii*. vol. 21, no. 3, pp. 133–164.

- Simon H. (1971) *Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science*. In: Microeconomics: Selected Readings, Ed. by E. Mansfield. New York.
- Schultz T.W. (1961) Investment in Human Capital. *The American Economic Review*, no. 51 (1), pp. 1–17.
- Shabanova M.A. (1995) Social'naya adaptaciya v kontekste svobody [Social Adaptation in the Context of Freedom]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 9, pp. 81–88.
- Shkaratan O.I., Bondarenko V.A., Krel'berg Y.U.M., Sergeev N.V. (2003) *Social'noe rassloenie i ego vospriyvostvostvo v sovremennoj Rossii* [Social Stratification and its Reproduction in Modern Russia]. Moscow: Izdatel'skij dom GU VSHE.
- Sorensen A. (2000) Toward a sounder basis for class analysis. *The American Journal of Sociology*. vol. 105, no. 6, pp. 1523–1528.
- Tihonova N.E. (1995) Cennosti rossiyan i perspektivy politicheskogo processa v Rossii [Russian Values and Prospects of the Political Process in Russia]. *Obnovlenie Rossii: trudnyj poisk reshenij*. Issue. 3.
- Tihonova N.E. (1997) Dinamika social'noj stratifikacii v postsovetskom obshchestve [Dynamics of Social Stratification in Post-Soviet Society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 3, pp. 5–14.
- Tihonova N.E. (2004) Social'nyj kapital kak faktor neravenstva [Social Capital As a Factor of Inequality]. *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*. no. 4, pp. 24–35.
- Tihonova N.E. (2006) Resursnyj podhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikacionnyh issledovaniyah [Resource Approach As a New Theoretical Paradigm in Stratification Studies]. *Ekonomicheskaya sociologiya*. vol. 7, no. 3, pp. 11–26.
- Tihonova N.E. (2014) *Social'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'yu* [The Social Structure of Russia: Theory and Reality]. Moscow: Novyyj hronograf: Institut sociologii RAN.
- Tihonova N.E., Karavaj A.V. Latova N.V. (2019) CHelovecheskij kapital rossijskikh rabochih: sostoyanie, dinamika, faktory [Human Capital of Russian Workers: State, Dynamics, Factors]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. no. 4., pp. 39–47.
- Vasil'chuk Yu.A. (2002) K obshchej teorii social'nogo razvitiya cheloveka [Towards a General Theory of Human Social Development]. *Global'nyj mir*. Issue 2, pp. 4–65.
- Zaslavskaya T.I. (1997) Social'naya struktura sovremennoj rossijskogo obshchestva [The Social Structure of Modern Russian society]. *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*. no. 2, pp. 5–23.
- Zaslavskaya T.I. (2005) Dvadcat' let rossijskoj transformacii. Chelovecheskij potencial v sovremennom transformacionnom processe [Twenty Years of Russian Transformation. Human Potential in the Modern Transformation Process]. *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*. no. 3, pp. 13–25.
- Zaslavskaya T.I. (2004) *Sovremennoe rossijskoe obshchestvo: social'nyj mehanizm transformacii* [Modern Russian Society: the Social Mechanism of Transformation]. Moscow: Izdatel'skij dom Delo.

Информация об авторе

Логинов Дмитрий Михайлович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: Москва, Пречистенская наб., 11. E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

About the author

Dmitry M. Loginov, Candidate of Sciences (Economics), Senior Research Fellow, Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration. Address: 11, Prechistenskaya nab., 119034, Moscow, Russian Federation. E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 21.07.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 08.11.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 15.11.2021